

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

27 января 2015 – 15:00

☞

**Прокофьев
Андрей Вячеславович**

Совершенные и несовершенные права и обязанности в этике Ф. Хатчесона. Разграничение совершенных и несовершенных прав и обязанностей

Текст доклада

Любая этическая система, которая не предлагает моральному субъекту ориентироваться на какой-то один регулирующий его действия принцип, а формулирует совокупность частных норм (пусть даже вспомогательных и вторичных), вынуждена искать способы разрешения их ситуативных конфликтов. Один и тот же практический случай может подпадать под действие нескольких, исключающих одновременное исполнение требований. Отсюда вытекает необходимость выбора в пользу одного из них. У.Д. Росс описал это положение как столкновение «презумптивных» обязанностей, лишь одна из которых становится в итоге обязанностью «действительной». Если то же самое положение описать, используя в качестве точки отсчета не нравственный долг действующего субъекта, а защищенные моральными нормами интересы и потребности другого человека, то оно предстанет уже как столкновение прав. Ключевой вопрос, связанный с такими конфликтами: существуют ли правила, которые устанавливают иерархию моральных обязанностей (прав) и не вытесняются индивидуализированными суждениями, относящимися к уникальным практическим ситуациям? Если такие правила есть, то задача нормативной этики состоит в том, чтобы выявить их набор и реконструировать основания. Если их нет – то она должна констатировать, что разрешение конфликтов находится в сфере, не подлежащей общезначимому выражению.

Обсуждаемые правила могут иметь следующий вид: «Кто бы ты ни был, как бы ни складывались обстоятельства, в которых ты действуешь, ради того, чтобы добиться X нельзя делать Y». Или: «Кто бы ты ни был, как бы ни складывались твои обстоятельства, надо сначала добиться А, а уже потом пытаться достичь В». В современной этике с легкой руки Дж.Ролза действует формулировка «лексический приоритет» между принципами (обязанностями, правами). Я хотел бы обратиться к одному из самых известных способов нормативно значимой классификации обязанностей (прав) – к их разграничению на совершенные и несовершенные.

Исторически сложилось так, что наряду с вопросом о приоритете одних нормативных принципов над другими посредством этого разграничения решались и другие вопросы. А именно: вопрос о том, какие моральные требования не предполагают исключений, а какие могут в некоторых случаях не исполняться, и вопрос о том, исполнение каких обязанностей (прав) допускает принуждение (применение силы) по отношению к тем людям, которые намеренно не дают возможности их исполнить. Обоснованность соединения этих трех вопросов постоянно обсуждалась и обсуждается в качестве важной теоретической проблемы. Но как бы то ни было, совершенные права и обязанности в соответствии с наиболее полным набором их характеристик а) обладают нормативным приоритетом, б) не терпят исключений из очень точно сформулированных требований, содержащих описание вмененных к исполнению или запрещенных физических действий, и в) допускают использование силы для их реализации. Несовершенные, напротив, а) уступают в случае возникновения

конфликта с совершенными, б) предполагают значительную свободу выбора в отношении форм или времени их исполнения, в) отданы полностью на откуп совести и стыду участников морально значимых взаимодействий.

Источники и предыстория разграничения

Источники разграничения совершенных и несовершенных обязанностей и прав, по всей видимости, множественны. Наиболее очевидные из них таковы:

1. Описание четвертого аспекта нравственной красоты Цицероном, включающее такие составляющие как справедливость (она обеспечивает защиту личности и собственности человека от покушений) и доброта (она обеспечивает оказание помощи и материальной поддержки в ответ на заслуги или потребности другого). Правила справедливости предполагают обязательное исполнение, даже если их альтернативой является интенсивное страдание или смерть. Любое из проявлений доброты ограничено возможностью избыточных потерь деятеля. Проявлять доброту за счет и на основе совершения несправедливых (противозаконных) поступков недопустимо. Недопустимо также требовать совершения добрых поступков с помощью принуждения. Развернутая аргументация прагматического и перфекционистского типа в пользу последнего тезиса была предложена в трактате Сенеки «О благодеяниях».

2. Переосмысление в раннехристианской традиции содержания стоических терминов: «нравственно-правильное» (в латинском переводе – «совершенные обязанности») и «надлежащее» (в латинском переводе – «обязанности обыкновенные» или «средние»). Начиная с Амвросия Медиоланского, эти два типа обязанностей начинают ассоциироваться с разными образцами требуемого от человека поведения: первые иллюстрируются любовью к врагам, молитвой за гонителей, благословением проклинаящих, вторые – нормами Декалога и общей, неспецифицированной формулой заповеди любви («возлюби ближнего как самого себя»). В дальнейшем проведенное Амвросием разграничение в существенно дополненном виде обозначалось также с помощью понятий «евангельские советы» и «евангельские заповеди».

3. Схоластическое обсуждение различий между отрицательными и положительными нравственными предписаниями. Первые, как указывает в «Сумме теологии» Фома Аквинский «обязывают везде и всегда», поскольку запрещают греховное действие, которое «не может стать добрым независимо от того, как, когда и где оно исполнено». Вторые исполняются не при любых обстоятельствах, а специальный поиск условий для их выполнения не является безусловно вмененной человеку обязанностью.

В Новоевропейской этике на первый план выходит классификация индивидуальных прав, а классификация обязанностей оказывается подчинена ей. Гуго Гроций опирается на разделение «нравственных качеств» на «совершенные» – «способность» (*facultas*) и «менее совершенные» – «соответствие» (*aptitudo*). Анализируя отдельные контексты обсуждения самих этих качеств, а также сопряженных с ними видов справедливости, можно обнаружить все три главных параметра отделяющих совершенные права от несовершенных. Однако в прямом и отрефлексированном виде они появляются только в тексте трактатов С. Пуфендорфа. В центре внимания Пуфендорфа находится проблема морально обоснованного принуждения. Если кто-то не предоставляет нам то, на что мы имеем совершенное право, добровольно, то в условиях естественного состояния дозволено заставить его сделать это, применяя силу, в том числе вооруженную, а в гражданском состоянии – используя правовое принуждение. В случае с несовершенным правом ни то, ни другое недопустимо. Его обеспечивают исключительно «совесть» и «стыд» отдельных лиц. Нормативный приоритет совершенных обязанностей обсуждается Пуфендорфом в связи с вопросом о том, что надо делать в том случае, если имеют место два закона, которые не противоречат друг другу в общем смысле, но в какой-то конкретной ситуации не могут быть выполнены одновременно. Среди прочих критериев позволяющих разрешать такие конфликты он указывает на необходимость предпочитать совершенные обязанности несовершенным. Пуфендорф фиксирует также неизбежную неопределенность жертв и усилий, связанных с исполнением

любого из несовершеннолетних прав: их величина во многом определяется возможностями действующего лица. В случае с совершенными правами она строго определена размерами того, что человек, являющийся объектом усилий и жертв, может по праву назвать «своим». Исполнение таких прав мыслится как возвращение «своего» или обеспечение неприкосновенности последнего. Различия между правами двух типов определяются, по Пуфендорфу, двумя обстоятельствами: а) совершенные права обеспечивают само существование общества, а несовершеннолетние – дополняют его «хорошим существованием», б) попытка обеспечить такое дополнение посредством силы превратилась бы в использование лекарства, которое более тягостно, чем сама болезнь.

Классификация прав и обязанностей у Ф.Хатчесона

а) рецепция общей схемы

По ряду параметров характеристика типов прав и обязанностей, предложенная Хатчесоном, является расширенным и проясненным воспроизведением формулировок Пуфендорфа. Совершенные права, по его мнению, «настолько необходимы для блага общества, что всеобщее нарушение их сделало бы человеческую жизнь невыносимой». Именно поэтому нарушение совершенных прав порождает «право на войну и все насилие, которое необходимо для того, чтобы заставить причинивших вред возместить ущерб и дать гарантии в отношении недопущения подобных преступлений в будущем». Несовершенные права «содействуют улучшению и увеличению определенного блага в любом обществе, но не являются абсолютно необходимыми для предотвращения всеобщего несчастья». Отсюда следует вывод, что «осуществление таких прав насильственными средствами обычно приводило бы к большему злу, чем их нарушение». Последний тезис получает более подробное объяснение, чем у Пуфендорфа, и в нем явно присутствуют отзвуки прагматического обоснования свободы благотворительности Сенекой. У нас нет отчетливых критериев для определения должного в сфере благотворительности, помощи, щедрости и благодарности, а в отсутствие таких критериев неизбежны споры, которые, допусти мы использование силы при их разрешении, завершились бы постоянной войной.

б) специфические черты

Однако имеются и существенные различия между концепциями совершенных и несовершеннолетних прав и обязанностей Хатчесона и Пуфендорфа. Три из них обладают решающим значением.

1. Хатчесон обсуждает необходимость сохранения несовершеннолетних прав в свободной от правого принуждения сфере, не только по причинам, которые связаны с общественным благом, но и в связи с запросами и потребностями индивидов. Во-первых, он выступает против не обусловленных общественной необходимостью ограничений «естественной свободы». Во-вторых, он считает необходимым сохранение той сферы, в которой осуществляется свободное раскрытие «доброты по отношению к другим». В последнем случае Хатчесон также следует логике Сенеки.

2. Хатчесон пытается противодействовать тенденции умалять значение несовершеннолетних прав и обязанностей. Для этого он предлагает использовать не одну, а две шкалы количественной оценки нравственных требований. В соответствии с первой шкалой исполнение несовершеннолетних прав является более важным, чем исполнение совершенных, в соответствии со второй – наоборот. *Первая шкала* оценивает права по количеству добродетели в их исполнении. Добродетель измеряется в соответствии с внешним критерием – масштабом привнесения в мир добра – и внутренним – чистотой и силой антиэгоистических мотиваций. Именно эта шкала определяет меру одобрения поступков. *Исполнение совершенных прав* не привносит в мир дополнительного добра (оно лишь фиксирует уже имеющуюся ситуацию, поддерживает режим пользования «своим»). Его мотивы во многом связаны с сохранением приемлемого для жизни общественного пространства, то есть являются косвенно эгоистическими и, значит, не требуют значительных усилий по самопреодолению. *Исполнение несовершеннолетних прав*, напротив, привносит добро и мотивировано чистым альтруизмом, преодолевающим мощное давление

себялюбия. *Вторая шкала* касается количества порочности в нарушении права. Она заставляет нас обращать внимание на масштаб причиняемого зла (в некоторых фрагментах – «естественного зла») в кратковременной и долговременной перспективах, а также на силу эгоистических мотиваций, порождающих действие. Данная шкала определяет меру осуждения поступков. *Нарушение совершенного права* причиняет максимум зла (как отдельному человеку, так и обществу в целом), его мотивом являются прямой и непосредственный («неумеренный») эгоизм или даже «злоба и жестокость», которые преодолевают не только благожелательность, но и косвенно эгоистические резоны. *Нарушение несовершенного права* влечет лишь консервацию количества добра и порождено простым пренебрежением интересами других людей. Такая характеристика двух шкал содержится в «Исследовании о происхождении наших идей красоты и добродетели» (1725). В «Системе моральной философии» (написана около 1737 г., опубликована в 1755 г.) для их обозначения используются понятия добродетельности деятеля и силы (святости) права. Это создает определенную асимметрию, но зато прямо отсылает к проблеме нормативного приоритета. Таким образом, Хатчесон демонстрирует относительность таких характеристик как «совершенный» и «несовершенный» по отношению к правам (обязанностям). В том, что касается силы и определенности, совершенные права и обязанности несомненно «совершеннее» несовершенных. Однако в отношении нравственного качества личности, их исполняющей, они, наоборот, существенно уступают своим vis-à-vis (то есть «несовершеннее» их). Тем самым Хатчесон возвращает актуальность традиции, заложенной Амвросием Медиоланским, и убеждению в превосходстве евангельских советов над евангельскими заповедями.

3. Хатчесон корректирует то понимание конфликта прав, которое присутствует у Пуфендорфа. Он утверждает, что совершенные и несовершенные права не могут конфликтовать между собой, как не могут конфликтовать между собой и права внутри этих групп. То, что подчас воспринимается как конфликт совершенных и несовершенных прав, на деле является конфликтом между несовершенными правами и другим, специфическим видом прав – внешними правами. Последнее понятие заимствовано Хатчесоном у Гроция, хотя в трактате «О праве войны и мира» оно является сугубо вспомогательным и не внесено в основную бинарную классификацию «нравственных качеств». У Хатчесона внешнее право – это обеспеченная понуждающими общественными институтами возможность делать или требовать нечто такое, что наносит ущерб отдельным людям и обществу, сохраняющаяся только в силу того, что лишение людей этой возможности привело бы к еще более существенному ущербу в длительной перспективе. Таково, например, право богатого скряги-заимодавца разорить трудолюбивого ремесленника, потребовав у него в любой момент уплаты взятой в долг суммы. Согласно схеме Хатчесона, совершенное право в тех случаях, когда долг благодарности, дружбы или человечности, требует от него отступить, перестает быть совершенным и превращается в свою «видимость» или «тень», то есть во внешнее право. Люди, способствующие реализации подобного права, исполняют долг не перед тем лицом, которое им обладает, а исключительно перед обществом. Это обстоятельство оставляет пространство для полноценного, интенсивного морального осуждения обладателей и «пользователей» внешних прав, для оказания на них давления со стороны общественного мнения, а возможно и для некоторых проявлений бойкота.

в) объяснение специфики

Перечисленные выше особенности легко соединяются в определенный общий тренд. А именно: Хатчесон явно пытается преодолеть односторонность понимания нравственного долга Пуфендорфом, отстоять разнообразие и богатство проявлений морального опыта. Ни «Исследование...», ни «Система...» не содержат прямой декларации этого замысла. Однако мы находим ее в небольшой работе, предшествовавшей публикации «Исследования...» и вышедшей в качестве его журнального анонса в 1724 г. Она называлась «Размышления об общераспространенных системах морали». В ней Хатчесон утверждает, что «наши позднейшие моралисты в спешке и кое-как рассматривают все предметы, пока они не

доходят до доктрины прав и несправедливого ущерба, и подобно теоретикам гражданского права, чья единственная задача состоит в том, чтобы понять, в какой мере своевольные люди и мошенники должны принуждаться силой, они посвящают все свои рассуждения вопросу о совершенных или внешних правах». «Возможность избежать тюрьмы и виселицы, – замечает он, – является достаточной наградой для той добродетели, которую, похоже, внушают людям многие из наших систем». Можно сказать, что «общераспространенные системы морали», по Хатчесону, отождествляют всю мораль с ее нормативными минимумами, причем лишь теми, которые могут и должны быть гарантированы силой. Стремясь избавиться от этой однобокости, Хатчесон пытается выстроить такое понимание морали, в котором отражается как ее связь с нормативными основами правового принуждения, так и ее несводимость к ним (в особенности, в инициативных, а не реактивных проявлениях морального опыта). Этому стремлению и отвечает предложенная им концепция совершенных и несовершенных прав и обязанностей.

Избранная литература

а) источники

Амвросий, епископ Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. – М.–Рига: Благовест, 1995.

Гуго Гроций. О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994.

Сенека. О благодеяниях // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М.: Республика, 1995. С. 14–166.

Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах // *Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А.* Эстетика. – М: Искусство, 1973. С. 41–262.

Фома Аквинский Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 1–46. – Киев: Ника-Центр, 2011.

Цицерон. Об обязанностях // *Цицерон.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука, 1993. С. 58–158.

Hutcheson F. A System of Moral Philosophy in Three Books. – Glasgow: R. and A. Foulis, 1755.

Hutcheson F. Reflections on the Common Systems of Morality // *Hutcheson F.* On Human Nature. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 96–107.

Pufendorf S. De jure naturae et gentium libri octo. – Lund: Adam Junghans, 1672.

Pufendorf S. De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo. – Cantabrigae: Joan Hayer, 1682.

б) исследования

Buckle S. Natural Law and the Theory of Property: Grotius to Hume. – Oxford: Oxford University Press, 1991.

Garrett A. Frances Hutcheson: From Moral Sense to Spectatorial Rights // The Concept of Love in 17th and 18th Century Philosophy / Ed. by G.Boros, H. De Dijn, M.Moors. – Leuven: Leuven University Press, 2007. P. 163–180.

Haakonssen K. Natural Law and Moral Philosophy: From Grotius to the Scottish Enlightenment. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Hope V. Virtue by Consensus: The Moral Philosophy of Hutcheson, Hume, and Adam Smith – Oxford: Clarendon Press, 1989.

Mousourakis G. Utility and Rights in Francis Hutcheson Ethical Theory // *Indian Philosophical Quarterly.* 1997. № 4. P. 527–542.

Schneewind J.B. The Invention of Autonomy: a History of Modern Moral Philosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Schumaker M. Sharing Without Reckoning: Imperfect Right and the Norms of Reciprocity. – Waterloo: Wilfrid Laurier Univ. Press, 1992.

Shimokava K. A Brief History of Post-Lockean Unilateralism: Barbeyrac, Carmichael, and Hutcheson on Property // *Humanities: Christianity and Culture.* 2012. Vol. 43. P. 1–25.

Strasser M. Hutcheson on External Rights // *Philosophical Studies.* 1986. Vol. 49. №. 2. P. 263–269.

Torralba J. M. “Stoic *Katóρθôma*, Perfect Duty and Kant’s Notion of Acting *aus Pflicht*. The Relevance of the Oikeiôsis Doctrine for the Notions of Moral Good and Inner Attitude (*Gesinnung*) in Kantian Ethics // Oikeiôsis and the Natural Basis of Morality. From Ancient Stoicism to Modern Philosophy/ Ed. by Vigo. – Hildesheim–Zürich–N.Y.: Olms, 2012. P. 295–346.